

VARIA IOCOSA

СИНИЦЫН А.А. (САРАТОВ)

МОЙ ДРУГ ДМИТРИЙ САМОСАДНЫЙ

(эстампы воспоминаний о нашей студенческой жизни)

*Какой ни окружай меня ландшафт,
чего бы ни пришлось мне извинять, -
я облик свой не стану изменять.*

И. Бродский «Я памятник воздвиг себе иной...»

Редколлегия сборника на сей раз решила отступить от своих «строгих правил» – опубликовать только научные опыты молодых исследователей – и поместить в юбилейном выпуске «Antiquitas juventae» один художественный опус на античный сюжет. Это сочинение было написано 14 лет назад Дмитрием Борисовичем Самосадным (1970–2003 гг.) – выпускником Саратовского государственного университета, специализировавшимся на кафедре истории древнего мира в начале 1990-х годов. Во вступительной статье я хочу рассказать об авторе, моем друге, слишком рано от нас ушедшем, и о том, когда и по какому поводу был написан рассказ «Дорогой мой Аристотель».

О друге и о нашем студенчестве

Дмитрий Самосадный родился 20 июля 1970 г. в Саратове. В начале 70-х его родители разошлись, и он с матерью переехал в Челябинскую область, в город Златоуст. Там прошли его детство и отрочество. После окончания средней школы в 1987 г. Дима подал документы на физико-математический факультет Самарского (в то время – Куйбышевского) государственного университета, куда он легко поступил, но который оставил после первого курса. «Мне там было совсем не интересно учиться, – вспоминал он, – да к тому же очень хотелось перебраться в Саратов, к отцу и бабушке».

На следующий год – в 1988-ом – Дима поступил на вечернее отделение Саратовского государственного университета. На дневное он не успел в срок подать документы, поскольку приехал из Самары лишь в конце июля, когда отборочные экзамены на дневное отделение уже завершились. Теперь он избрал исторический факультет. Позже я понял, что подобные радикальные перемены

(как, например, эта – из «естественников» в «гуманитарии», т.е. из «физиков» в «лирики») были в духе Д. Самосадного.

С Димой я познакомился в первую неделю учебы в университете. Это случилось в середине сентября 1988 г. на вводной лекции по археологии, которую читал Валерий Григорьевич Миронов. Зачислены мы с Д. Самосадным были в разные группы: он – во вторую, а я – в третью, поэтому встречались только на потоковых курсах и занятиях по немецкому языку, которые у нас вела Светлана Александровна Массина. Сошлись мы быстро. Как и почему именно с ним, с Димкой? Сейчас, спустя более 20 лет, могу и ошибиться, но помню, что тогда меня – вчерашнего советского школьника и убежденного комсомольца – поразили «диссидентские» взгляды Д. Самосадного, которые были не только веянием «моды» (*nota bene* – заканчивались 80-е!), но, как я это понял со временем, являлись неким каноном его социального поведения.

Дмитрий Самосадный представлялся, как тогда говорили, «неформалом». Первые два года университета он ходил с волосами до плеч. Помню, однажды я спросил его:

– Почему ты носишь такие патлы? Ведь ты совсем не следишь за своей прической.

А он ответил:

– Это показатель независимости. Почему, например, зэков или солдат стригут наголо? Неужели ты думаешь, что об их чистоте там заботятся? Нет, дело здесь ни в гигиене, а в том, что бритая голова – признак несвободы. Мои же длинные волосы – это знак моего протеста.

На занятия Дима ходил в плаще из черного кожзаменителя с большими накладными карманами: выдавшая виды отцовская «комиссарка», как он сам называл свой плащ. Что-то необычное было даже в его манере курить: неторопливо, размеренно, «вдумчиво», держа сигарету как-то по-особенному, снизу большим и указательным пальцами. «Наш Максим Горький», – смеялись мы над этой его чудной повадкой.

Вечный скептик и непримиримый спорщик, человек начитанный, думающий, остроумный, он всегда позиционировал себя «инакомыслящим». В Диме было что-то беспокойное, ищущее. В нем жил мятежный дух, молодое бунтарство. Однако бунт его был не явным, воинственным, но *идейным*. «Карл Маркс в молодые годы», – так в ноябре 1988-го я представил Д. Самосадного родителям, когда впервые привел его к себе домой.

Осенью 1988 г. мы вдвоем задумали выпускать независимую газету «Белый лист». Идея принадлежала Диме, и название газеты тоже он придумал. В нашем «издании» я должен был готовить «международные обзоры». Интерес к международной политике у меня проявился в последних классах средней школы. Во второй половине 1980-х мои родители выписывали десятки газет и журналов, в том числе такие популярные в ту пору издания, как «Аргументы и факты» и «За рубежом», которые я регулярно прочитывал; плюс, разумеется, теле- и радиопередачи. Начитанность, как мне тогда казалось, позволяла запросто судить о мировых проблемах современности. Признавал это и Д. Самосадный. Ему оставалось лишь «подкорректировать» мою позицию.

– Взгляд современного историка, Саня, должен быть свободным, не затуманенным старыми советскими штампами, – «прочищал мозги» мне Дима, затуманивая их новыми мифологемами, теперь *антисоветскими*.

В одной из своих статей, подготовленных для «Белого листа» (а всего были напечатаны два моих и три Диминых очерка), я писал о бессмысленности войны в Афганистане и необходимости вывода оттуда наших войск («дружественная миссия» СССР в ДРА была завершена через два месяца, в феврале 1989 г.). Вторая статья была посвящена отношениям Советского Союза со странами «социалистического содружества», в которой я, понятное дело, осуждал советскую оккупацию государств Восточной Европы (Берлинская стена тогда уже «пошатнулась», но что она когда-то рухнет окончательно – этого в конце 1988-го еще невозможно было представить).

Д. Самосадный, помимо того, что был «избранным» редактором газеты, отвечал за освещение внутривосточных проблем «агонизирующего» СССР. В моем личном архиве сохранились две его статьи, написанные для «Белого листа». В первой Дима продемонстрировал, так сказать, «историко-филологический и гиперкритический методы в работе с источником». Он разнес в пух и прах михалковский текст «Гимна Советского Союза», с его «волей народов», «союзом нерушимым республик свободных», «единым, могучим» и «надежным оплотом» «дружбы народов», «торжеством коммунизма», «солнцем свободы» и проч. Называлось это сочинение «Сплотила навеки Великая Русь?» (в машинописном тексте знак вопроса в заглавии статьи был обведен мною черным фломастером). Вторая статья Д. Самосадного была направлена против «руководящей и направляющей» – тогда коммунистической – партии и

шестой статьи Конституции СССР 1977 года¹. Третий очерк Д. Самосадного разоблачал горбачевский «социализм с человеческим лицом». Но он, к сожалению, не сохранился (здесь я имею в виду, самосадновский очерк).

Время было переломное, годы наши – молодые, и мне жутко хотелось сделать что-то эдакое, значительное, но я еще не знал, в чем смог бы себя проявить. А Дмитрий Самосадный – тогда уже подкованный «диссидент» – задавал установки, ломая мои наивные «совковые» стереотипы. Около месяца мы обсуждали план издания и писали статьи. Главным условием было то, что все материалы должны подаваться «в свободном духе», т.е. остро, смело и, как тогда говорили, «с резкой критикой советской действительности». Для нас это было бунтарством, что соответствовало духу времени. («Теперь уж в это мне ребячество не впасть, но кто б тогда за всеми не повлекся?») Мы были заражены вирусом перестроечных мифологем – «перестройка», «гласность», «свобода слова», «плюрализм» и т.п., – но еще не понимали их разрушительного действия. И свободю горели, и сердца для чести были живы, но мозги оказались запудрены перестроечными лозунгами – бациллой заразной и губительной. На наших глазах распадалась великая держава, и каждый из нас был одержим идеей, будто тоже должен непременно содействовать этому распаду.

Хорошо помню наши споры с Димой, обсуждения написанных текстов, критику статей друг друга и радость, что у нас получается «по-настоящему». После выхода в конце декабря 1988-го первого номера «Белого листа» тиражом всего 5 экземпляров (большее число копий старая печатная машинка моего отца, на которой я печатал наши статьи, увы, не принимала), этот проект был заброшен. К сожалению, ни одного экземпляра этого «провокационного» издания не сохранилось, так сказать, «для истории». Весь тираж – пять листов форматом А3 – мы с Димой развесили на стенах IV-го корпуса СГУ². Но через день все листы были сорваны. Кто это сделал, мы так и не узнали. Возможно, об этом позаботилась администрация истфака (?), но никаких мер по выявлению «провокаторов» с ее

¹ Молодым коллегам, на которых, собственно, и ориентирован настоящий сборник, напомним, что 6 статья Конституции СССР 1977 г. легитимировала однопартийность советской политической системы, ядром которой являлась коммунистическая партия Советского Союза, «существующая для народа и служащая народу».

² Наша старая «четверка» в те времена располагалась в центре Саратова, на площади Революции (ныне – это Театральная площадь).

стороны тогда предпринято не было. А может быть, листы прихватил кто-то из сочувствующих (?), ведь тогда почти каждый был захвачен идеей «виртуальной свободы». Сейчас это кажется смешным, но в то время такие «печатные выходки» могли вызвать интерес у читающей советской публики и могли даже создать некоторые проблемы для бунтарей-«первопечатников». Впоследствии мы с Димой рассказывали об этом друзьям, и всегда вспоминали о своем первом публицистическом опыте как о ребяческой забаве. Хотя, точно помню, что на первом курсе нам самим все это казалось важным и значимым, и лично я тогда всерьез считал, что этим выражаю свою гражданскую позицию. (*O sancta simplicitas!*)

Потом было множество других эфемерных проектов, рожденных мной и моим другом, а чуть позже и присоединившимися к нам однокурсниками – Игорем Авраменко и Олегом Орищенко. С ними мы сошлись с середины второго года обучения на вечернем отделении и уже навсегда стали единой компанией.

После второго курса вечернего отделения мы перевелись на дневное. О. Орищенко и я перешли с потерей года, т.е. снова на второй курс дневного, а И. Авраменко и Д. Самосадный, после того как они сдали значительную разницу в предметах, оказались на курс старше нас – на третьем. В середине сентября 1990 г. мы четверо записались в студенческий семинар профессора Владимира Ивановича Кашеева (в то время еще молодого доцента), который набирал студентов второго курса дневного отделения для специализации по античной истории.

Это был легендарный семинар! Мы встречались дважды в неделю на занятиях по древнегреческому языку (Д. Самосадный был лучшим из нас в знании греческого, что признавали и мы, и сам В.И. Кашеев) и один раз – вечером по средам – на «тематические» занятия. Последние со временем стали называться «Античная среда». Это название было придумано по аналогии с семинаром «Античный понедельник», который был создан профессором Аркадием Семеновичем Шофманом при кафедре истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета. Воспитанник Казанского университета и ученик А.С. Шофмана В.И. Кашеев в течение 9 лет (со времени поступления в КГУ в 1976 г. и до переезда в Саратов в 1985-ом) был участником тамошнего «Понедельника». Принципы шофмановского семинара В.И. Кашеев пе-

ренес на саратовскую почву, создав свой собственный кружок «любителей классических древностей»³.

Четыре года специализации у В.И. Кашеева стали этапом нашего общего взросления, поиском тропинок не только (и даже не столько) в постижении Истории, но поиском путей нашего духовного становления, эпохой самосознания и самоопределения. В семинаре был прочитан (понятное дело, в русских переводах) весь Платон⁴. Диалоги читали по ролям, с жарким обсуждением, делая по ходу чтения наивные комментарии. Нашему обращению к Платону и античному платонизму способствовал и выбор тем участниками семинара (по мифологии, греческой литературе и философии), и нравственный поиск самого В.И. Кашеева, который был тогда в возрасте близком к акмэ. И этот поиск научного руководителя стал созвучен исканиям наших юных умов.

Семестр начинался и завершался «постановкой» древнегреческой драмы. На семинарских занятиях были «сыграны» трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, комедии Аристофана и Плавта. Тексты мы не разучивали, но читали по ролям с листа. После прочтения следовал разбор источника, и тогда каждый участник семинара должен был высказать свое суждение о прочитанном. Факультативно также устраивались коллективные чтения неантичной классики⁵.

Основу занятий составлял критический разбор новой литературы по античной истории, философии и культуре, которая в большом количестве стала издаваться в начале 90-х гг. Главным образом с подачи научного руководителя брались для обсуждения на семинаре сочинения В.С. Соловьева, Ж.-П. Вернана, Ф.Ф. Зелинского, А.Ф. Лосева, М. Блока, Я.Э. Голосовкера, Г.-Г. Гадамера, А.Я. Гуревича, М.К. Мамардашвили и других авторов. Но В.И. Кашеев приветствовал пожелания всех участников семинара.

Д.Е. Луконин, занимавшийся теорией мифа, проработал «Введение в мифологию» Ф.В.Й. Шеллинга и в течение трех семинар-

³ В сентябре 2010 года семинару «Античная среда» исполняется 20 лет.

⁴ Как раз в эти годы в серии «Философское наследие» было переиздано собрание сочинений Платона в 4-х томах под общей редакцией А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса и А.А. Тахо-Годи (1990–1994 гг.).

⁵ За рамками аудиторных занятий нами были прочитаны драмы У. Шекспира и А.П. Чехова, «Божественная комедия» Данте, «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина *etc.* На пятом курсе мы вместе слушали и обсуждали тетралогию Рихарда Вагнера «Кольцо нибелунга» (позднее, уже в мои аспирантские годы, с подачи Д.Е. Луконина, были прослушаны все музыкальные драмы Вагнера).

ских занятий пересказал основные положения обширного (и довольно сложного для понимания) вступления к курсу лекций по мифологии великого немецкого мыслителя⁶. Без преувеличения скажу, что это было для всех нас вхождением в философию мифологии. В 1991 году, кажется, во втором семестре третьего курса, Дима Луконин предложил к обсуждению работу А.Ф. Лосева «Диалектика мифа» (незадолго до этого переизданную в серии «Мыслители XX века»), которую мы все вместе читали и разбирали на занятиях «Античной среды». По его же инициативе были прочитаны «Рождение трагедии из духа музыки» и другие работы Фридриха Ницше.

По предложению С.В. Васильева на семинаре обсуждалась небольшая книга Пьера Адо «Плотин, или Простота взгляда»⁷, идеями которой Сергей Васильев тогда увлек всех нас. По желанию нескольких участников семинара (И. Авраменко, О. Орищенко и Н. Чекалиной), занимавшихся философией Платона, обсуждались монографии о Платоне В.Ф. Асмуса, В. Виндельбанда, А.Ф. Лосева, статьи В.С. Соловьева («Жизненная драма Платона»), В.Ф. Эрн («Верхнее постижение Платона») и др. По предложению Д. Самосадного на занятиях «Среды» были прочитаны работы Д. Штрауса и Э. Ренана о жизни Иисуса.

Все групповые чтения сопровождались критическим разбором, замечаниями и жаркими дискуссиями. Каждая из этих встреч была для меня настоящим *событием*! Уверен, что такое ощущение переживали тогда все участники кашеевского спецсеминара. Многие из тех обсуждений мне хорошо памятли до сих пор.

Одной из форм «отчетности» на спецсеминарских занятиях были доклады на *свои* темы. Весной 1992-го научный руководитель предложил мне выступить на заседании семинара. И я начал готовиться к докладу. Собственно, это был даже не научный доклад, а развернутый реферат монографии М.С. Корелина «Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи». Выступление должно было представлять собой «апологию» христианства на основе тех положений, что сформулированы М.С. Корелиным в этой книге. Д. Самосадный вызвался быть моим оппонентом. Это была его идея, и, как ни странно, В.И. Кашеев тогда ее

⁶ В 1989 г. в серии «Философское наследие» вышел двухтомник избранных сочинений Фридриха Шеллинга.

⁷ Эта работа была напечатана на русском языке в 1991 г. молодым издательством «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина.

поддержал. Дима намеревался изложить антирелигиозные и антихристианские взгляды, опираясь на совершенно иную по характеру книгу – «Происхождение христианства» Карла Каутского. «Судьей» в этом споре избрали Алексея Мосолкина, а другие участники семинара и научный руководитель являлись активными зрителями разыгрываемого нами агона. В этой борьбе мнений, представленной двумя друзьями и подогреваемой увлеченной аудиторией, победил аргументированный и едкий скепсис Самосадного–Каутского. А позиция «защитников христианства», несмотря на все мои потуги отстоять ее, была признана провальной.

Парадокс выбора позиций в этом театрализованном «суде» заключался в том, что Д. Самосадный писал дипломную работу на тему «Иисус Христос как Человек и Бог». Это было добротное исследование, выполненное на стыке истории, философии, религии и истории религии, с переводами с древнееврейского и классических языков, с хорошим знанием литературы по проблеме⁸. Но дипломная Д. Самосадного не вписывалась в «строгие рамки» категорий работ, которые проходили по профилю нашей кафедры. (Поскольку принято считать, что *настоящие* историки занимаются по преимуществу политической и военной историей.) Помню, что нашему научному руководителю пришлось тогда убеждать заведующего кафедрой истории древнего мира Виктора Николаевича Парфенова, что работа Д. Самосадного может быть допущена к защите «по нашему профилю».

Как я уже сказал, эти годы были периодом поиска самого В.И. Кащеева, что во многом определило круг наших занятий в спецсеминаре. И тематика исследований первого семинара В.И. Кащеева в целом не вписывалась в рамки «строгой» исторической специализации. Она была, скорее, историко-философской или даже культурологической (если использовать модное ныне определение). Поэтому проблемы, которые возникли с темой дипломной у Д. Самосадного, касались фактически всех участников тогдашнего кащеевского спецсеминара. Назову темы других выпускных сочи-

⁸ Дипломная работа Д. Самосадного хранилась на кафедре истории древнего мира СГУ. Летом 2003 г., когда по сроку давности (как раз истекло 10 лет со времени защиты) дипломные 1993 года были списаны и подлежали уничтожению, я забрал работу Димы. Теперь она хранится в моем личном архиве. Это 118 страниц текста с приложенным списком использованной литературы из 122 наименований. В исследовании использованы античные и средневековые источники и современные исследования. Текст написан автором от руки мелким убористым (и корявым) почерком.

нений первого состава «Античной среды». И. Авраменко (защита дипломной работы – 1993 г.) – «Представление о смерти и посмертном существовании души у греков (от Гомера до Платона)» и темы дипломных работ выпускников 1994 года: А. Синицын – «Сон и судьба в древнегреческой трагедии (Эсхил и Софокл)», О. Орищенко – «Понятие добродетели у Платона», С. Васильев – «Единое в философии Плотина», Д. Луконин – «Зарождение идей неомифологизма в немецкой историографии начала–середины XIX в.». В том же, 1994-ом, году А. Мосолкин защитил дипломную работу на тему «*Philosophans metu mortis*». На 2 и 3 курсах Алексей Мосолкин посещал «Античную среду» и был тогда одним из вдохновителей наших собраний. Однако из-за идейных разногласий с научным руководителем он покинул семинар в начале четвертого курса и продолжил специализацию на кафедре истории древнего мира под руководством Евгения Владимировича Смыкова.

Защиты дипломов И. Авраменко и Д. Самосадного состоялись 16 июня 1993 года. Обе работы были оценены на «отлично». Сохранился отзыв на работу Д. Самосадного, составленный доцентом Таисией Павловной Кац, которая почти полвека прослужила на кафедре истории древнего мира и была оппонентом десятков (а то и сотен) студенческих дипломов. Т.П. Кац высоко оценила выпускную работу Д. Самосадного. Ее отзыв на две страницы содержит обсуждения и замечания, но главным образом все-таки похвалы в адрес дипломника.

«...Представленное сочинение выходит, и далеко, за рамки даже хорошей дипломной работы – это очевидно... Что отличает автора: недюжинная эрудиция, способность к вдумчивому анализу (от сопоставлений самых широких – эпох и личностей – до кропотливого филологического анализа терминов), знание древних языков..., наконец, что, может быть, самое ценное – исследовательский такт. Не требуется объяснять, что при изучении темы “Человек-Бог” это особенно важно, хотя соблюсти это очень сложно».

Говоря о достоинствах работы Д. Самосадного, Т.П. Кац отметила «умение органично переводить анализ факта в понятие и от понятия идти к факту отличает автора дипломной работы. Такие философские или религиозно-философские категории как “добро”, “вера”, “справедливость”, “нирвана” и т.д. у него не просто называются, но всегда наполнены содержанием: этическим, религиозным, историческим». «Может быть, самые удачные исследователь-

ские находки – это аналогии, которые удивляют неожиданностью и очевидностью одновременно».

Д. Самосадный и впрямь обладал замечательным научным и вообще творческим чутьем. В студенческие годы мы завидовали его способности разбираться в сложных проблемах политики, науки, литературы, искусства и проч. И обо всем он имел *свое* мнение.

Я уже сказал, что бунтарство и протест были в характере моего друга. В обществе людей незнакомых или малознакомых он казался тем, о ком французы говорят *enfant terrible*. Когда в нашей компании появлялся новичок, то он должен был пройти «испытание Самосадным». Во время знакомства Дима всегда вел себя задиристо. Он обязательно отыскивал спорную тему (на почве политики, науки, искусства, – не важно) и принимался «раскручивать» нового знакомого, в особенности, если это был заносчивый и самодовольный тип (встречались и такие). Д. Самосадный одинаково был способен как убедить, так и разубедить своего собеседника. Полемизировать же с ним не хватало духу не то, что у простачка, но даже у человека знающего и со сложившимися взглядами, так что его «жертве» оставалось только недоумевать или негодовать. Диме же нравилось разгромить доводы спорящего «тяжелой артиллерией» своих аргументов и выставить обескураженного собеседника в глупом виде. Эдакий доморощенный Сократ. А кому бы это, в самом деле, могло понравиться? Так вот, много раз я был свидетелем его задиристости. В таких случаях мне иногда приходилось заступаться за друга, если спорщик вдруг оказывался горяч и несдержан, приходилось объяснять недоумевающему новичку, что не стоит так резко реагировать на безобидные самосадновские дерзости. (Димка был человеком задиристым, но не был злобным.) Однако признаюсь, порой и мое терпение лопалось. Так что несколько раз мне самому приходилось осаживать его провокационное хамство радикальным физическим «внушением».

Д. Самосадный был фрондером по духу. На закате советской эпохи (в 1988–1991 гг.) он позиционировал себя демократом «прозападного толка», затем, когда все заговорили о «народовласти» и «плюрализме», он сделался противником «чужеродной» демократии, ярим (в политических суждениях он был пристрастен) антиамериканистом. Потом он стал монархистом, что в начале 1990-х могло показаться «анаколуфом» в политических взглядах. Но Д. Самосадный и тогда спорил и доказывал, что Россия может управляться только с помощью монархической власти. Но эти «убежде-

ния» улетучились, когда все вдруг заговорили о «великомученике Николае» и семье монарха, «невинно убиенной». Когда споры о монархии перестали быть социальной провокацией и казались делом, само собой разумеющимся, Д. Самосадный стал восхвалять режим Сталина. Думаю, что и эта новая симпатия сталинизму была вызвана у него, скорее всего, реакцией отторжения общепринятого мнения.

Дима был самым заметным и самым интересным из нашего круга. Нет, в нашей компании он не казался ни героем, ни лидером, но он был во всем большим оригиналом. Чудак-человек. Всегда сам по себе. Одно слово, *Самосадный*. Поэтому он всегда «не вписывался» в ситуацию и часто смущал окружающих своим поведением. Даже нас, людей, хорошо его знавших, удивляло, когда на лекциях, спецсеминарах или на вечеринках он выступал против, казалось бы, всем известных истин и не соглашался с тем, «как это принято считать».

– А ты приведи свои доказательства, – говорил он всегда, – ты же должен знать сам, чтобы объяснить, когда культурные люди спросят.

Ох уж это насмешливое самосадновское выражение: «когда культурные люди спросят»! Сам-то Дима к таковым себя не относил. Но по складу характера любил упрекнуть этой «провокационной» фразой собеседника, который, прикрывая свое незнание, ссылался на *koinei doxai*. Помню один разговор в общежитии на улице Измайлова, где в студенческие годы жил И. Авраменко, и где мы частенько собирались на наши симпозиумы. И вот Д. Самосадный с ироничной улыбкой рассуждает, пуская табачный дым в потолок:

– Есть две вещи, в которых даже способные люди часто заблуждаются. Во-первых, что большинство всегда право, и, во-вторых, будто для того, чтобы аргументировать свои суждения, обязательно нужны ссылки на непререкаемые авторитеты. Но мы-то понимаем, что это не так. Пришло наше время. Мы уже в том возрасте, когда пора нам самим создавать о себе мифы. А основания для этого есть. Это мы сами.

Рассказывая о своем друге, не могу не вспомнить еще один интересный аспект нашей студенческой жизни. Для того, чтобы воспитать *свой* взгляд на вещи было создано содружество «Тетрофаллия». Это обценное название *à la grec* придумал, опять же, Д. Самосадный. (Он, право, был мастер на всякого рода скабрёзности.) А выдумал он такое название в августе 1991 года, на юге, когда мы втроем (без Олега Орищенко) после археологической практики,

путешествуя по горному Крыму, забрались на Мангуп. Дима тогда даже оставил надпись мелом на стене в мангупских казематах: *TETROPHALLIA*. Вот это был поход с приключениями! Когда-нибудь обязательно надлежит о нем рассказать. Но это уже в другой раз.

Так вот, на протяжении длительного времени (с середины второго до конца четвертого курса университета) мы регулярно собирались вчетвером – И. Авраменко, Д. Самосадный, О. Орищенко и я – на дружеские симпозиумы. Встречались мы для совместных чтений памятников античной литературы и философии, для бесед о политике и искусстве. Правила нашего «союза» были разработаны сообща, а вот форму речей-тостов придумали Д. Самосадный и я. Согласно этим правилам, речи произносились по очереди. Тостующий «оратор» должен был завершать свою речь греческой фразой *logos lelektai pas*, а каждый слушавший его должен был одобрить словами *egō touto homologō* или, напротив, выразить несогласие: *ouch homologō*. На каждом собрании избирался симпозиарх – руководитель застолий, но решения принимались сообща всеми членами «Тетрофаллии».

Эти симпозиумы проходили, как и полагается, за чашей Диониса. Мы устраивали их по очереди на квартире друг у друга. Были встречи и дома у Димы. Он жил в частном доме в Заводском районе на улице Садовой. Точнее, это была половина дома: маленькая двухкомнатная халупа с кухонькой и крошечной верандой. Здесь Дима жил с отцом и бабушкой. Его отец был человеком огромного роста, ироничный, но несколько угрюмый, начитанный, думающий, но так и не нашедший себе применения. Хотя Дима вырос без отца, он очень уважал его и во многом был на него похож (не только внешне). Помню, что его отец сильно пил и был болен в последние годы. Он умер осенью 1997 года, а через полгода, весной 1998-го, умерла и бабушка.

– *Memento mori*, – любил повторять мой друг. И излагал свою теорию причины творчества. – Смерть – штука значительная и *сущностноопределяющая*. Именно потому, что человек знает о своей смерти в будущем, он и стремится к творчеству в настоящем. Ведая о конечности жизни, он желает оставить в вечности частицу себя: потомство, продукты творческой деятельности, память о себе...

В самом Д. Самосадном было что-то трагическое. Он всегда казался неудовлетворенным людьми, миром, но в первую очередь, конечно, собой, своей неприкаянностью. Ведь он так и не нашел

своего дела, так и не определился, к чему себя применить. Работал в нескольких фирмах, одной даже руководил, но для него все это было как будто не всерьез. Он ни за что и ни за кого не держался, ему ничего было не нужно. Дима часто любил повторять защитную для него сократовскую формулу (смысл которой он переиначивал опять же на свой лад):

– Чем меньше нужно человеку, тем ближе он к богам.

От этого недовольства собой была в Д. Самосадном какая-то слабость. Он часто рассуждал о свободе, но не смог научиться управлять своей свободой. Он был силен идеями, но оставался одинок и незащищен.

В последние два года Дима жил один в своем доме на Садовой, доставшемся ему после смерти отца и бабушки. К Дионисовой влаге он был пристрастен в большей степени, чем кто-либо другой в нашей компании. Именно эта неумеренность да еще неумное фрондерство привели его сначала в тюрьму, а затем к ранней смерти. Д. Самосадный умер утром 1 января 2003 года в возрасте тридцати двух лет.

Ученик и учитель:

рассказ о вымышленном письме Александра Аристотелю

Человек, бесспорно, одаренный, талантливый, Дмитрий Самосадный создал за свою жизнь не очень много. Он ничего не успел опубликовать (разве что считать «публикацией» те статьи для «Белого листа», о которых было сказано выше). Впрочем, по причине своего безвольного отношения к жизни, он не особенно стремился к этому.

Помимо его дипломной работы и двух публицистических очерков, в моем личном архиве хранятся несколько его стихотворений и два небольших рассказа⁹. Один из них называется «Два Иисуса». Это сочинение, написанное от руки, Дима подарил мне летом 1994 года, после того как я окончил университет. Это притча о двух приговоренных: об освобожденном разбойнике Варавве и распятом Спасителе Иисусе Христе. Для характеристики Д. Самосадного показательно, что эта история изложена автором от имени мятежника и убийцы Вараввы, который, согласно преданию, также

⁹ Была еще трагикомедия о Сократе и афинской демократии, отрывки из которой автор читал мне в середине 1990-х. Но этот рассказ не сохранился. После смерти нашего друга при осмотре его дома мы с Игорем Авраменко не обнаружили никаких его сочинений.

носил имя Иисуса. Второй сохранившийся рассказ называется «Дорогой мой Аристотель». Дима сочинил его к моему 25-летию и подарил в день рождения. О мотивах и контексте появления этого рассказа скажу здесь несколько подробнее.

Осенью 1996 года завершился первый год моего обучения в аспирантуре по кафедре истории древнего мира СГУ. Предметом исследования я избрал тему судьбы в древнегреческой историографии и драме. В это время в семинаре В.И. Кащеева мы занимались переводом «Истории» Фукидида и «Царя Эдипа» Софокла. Источники читали небольшими частями с учетом всех доступных нам комментариев. На квартире у научного руководителя мы вдвоем с Владимиром Ивановичем переводили софокловского «Аякса». Самостоятельно я прочитал «Филоктета», которого всегда считал лучшим произведением любимого драматурга, и «Поэтику» Аристотеля (некоторые главы из «Поэтики» мы переводили на факультативных занятиях со студентами Саратовской православной семинарии, где я в то время преподавал классические языки). Итогом этих чтений стали две мои первые статьи о «воспитании трагическим» (совершенно наивные, как я теперь понимаю). Тогда же в семинаре «Античная среда» я сделал несколько докладов о *tyche* в античной историографии и о понятии трагического у Аристотеля.

В середине 1990-х гг. постоянными участниками «Античной среды», ставшей теперь аспирантским семинаром, были Д.Е. Луконин (до сентября 1997 г., когда он сменил специализацию и перешел на кафедру философии) и автор этих строк (до начала 2002-го)¹⁰. В разное время семинар посещали И. Авраменко и В.А. Вилков (оба занимались у В.И. Кащеева в качестве аспирантов-заочников, но оба так и не защитили диссертации), О. Орищенко, а с весны 1999-го в кащеевский кружок вернулся А. Мосолкин.

Д. Самосадный после окончания университета не принимал участия в собраниях «Античной среды». СГУ Дима окончил с красным дипломом и был рекомендован для продолжения учебы в аспирантуре, а его дипломная работа была рекомендована ГЭК к публикации. Первым он не воспользовался, да и свое исследование о «Человеке-Боге» не стал дорабатывать. К занятиям наукой (как и ко всему прочему в жизни) он относился будто к игре.

¹⁰ Окончив аспирантуру и защитив кандидатскую диссертацию в 1998 г., я продолжал посещать занятия семинара до своего отъезда на стажировку в Санкт-Петербург.

В 1995 г. Д. Самосадный предложил мне заниматься переводами с немецкого (язык он знал хорошо). Вместе мы переводили работы, посвященные древнегреческой трагедии и понятию трагического у Аристотеля (в основном, это были статьи и книги из библиотеки В.И. Кашеева, привезенные им из Германии). Практикуясь в немецком языке, я начитывал литературу по теме моей кандидатской диссертации, а Дима занимался переводами «из чистого интереса», как он сам говорил, «а то ведь, когда культурные люди спросят...».

На «языковые занятия» мы собирались раз в неделю. Встречались у Д. Самосадного. Он тогда был директором фирмы «Джорданс», выполнявшей посреднические функции в сфере поставок лекарств и медицинской техники. В ту пору Дима хорошо зарабатывал, ушел из дома отца и снимал квартиру в центре Саратова, рядом с Сенным рынком. Наши совместные переводы трудов солидных немецких ученых о серьезных проблемах античной культуры сопровождались обсуждениями, спорами. Как мне представляется, из этих обсуждений и родилась идея шуточного сочинения о «трагедии Александра Великого».

Был и еще один мотив, на который указал сам Дима. Я сначала не воспринял его опус как аллюзию на меня и моего научного руководителя. Но Дима, преподнося рассказ в подарок, намекнул на это в своей «поздравительной речи» на дне моего рождения 25 октября 1996 г. Я сейчас уже не помню его тост со всей точностью, но, постараюсь его передать, как завещал один из наших коллег, «держась возможно ближе общего смысла действительно сказанного».

– Аспирант – это временно. Всякий аспирант, Саня, становится в итоге кандидатом наук, но не каждый кандидат наук является настоящим ученым. И закон диалектики творчества заключается в следующем: ученик отрицает своего учителя и лишь тогда его превосходит...

Такую речь тогда произнес Дима (здесь я опускаю высказанные им пожелания). И это было по-самосадновски: созидание есть отрицание и, наоборот, отрицание предшествующего, иного, является созиданием нового, *своего*. Позиция, что ни говори, странная и весьма опасная, если ее перевести из категорий абстрактной риторики в русло живой диалектики. Но Диму было не изменить. Помню, что я чуть было не обиделся на друга за его «провокационный» тост, хотя тогда не мог принять всерьез этот самосадновский намек. В 1996 г. было немыслимо представить, то, что случится через

шесть лет, в середине 2002-го, после моего возвращения с петербургской стажировки.

Вот при таких обстоятельствах мне был подарен рассказ о вымышленном письме Александра своему учителю. Текст набран Д. Самосадным на компьютере и распечатан на четырех листах формата А 4. На первой странице в левом верхнем углу есть посвящение, написанное шариковой ручкой знакомым мелким и корявым почерком: «Моему другу Сане-аспиранту». Ох, уж эта приписка: «аспиранту». Для понимающего, конечно, ясно, что сделана она не без иронии и подтекста.

* * *

Настоящая вступительная статья получилась в три раза больше самого рассказа, который она предваряет. Мне хотелось, чтобы эти эстампы воспоминаний стали мемориальным очерком об истфаковце Д. Самосадном. И его рассказ, публикуемый в этом сборнике, – это лишь малая толика того, что можно сделать в память о друге. Теперь, когда Димы уже давно нет, я осознаю, что самосадновский дух отчасти перешел и на меня, и на каждого из ребят нашей старой студенческой компании. Живы воспоминания о старом друге, некоторые истории из студенческой жизни со временем обросли вымыслами и сделались легендами нашего круга. По-видимому, «настала пора нам самим создавать о себе мифы», как говорил мой друг Дмитрий Самосадный.

Иллюстрации к статье А.А. Сеницына

Рис. 1. На Волге (справа налево): И.Н. Авраменко, Д.Б. Самосадный (сидит), А.А. Сеницын. г. Балаково. Июль 1990.

Рис. 2. Симпосиасты (сверху вниз): А.А. Сеницын, Д.Б. Самосадный, О.В. Орищенко, И.Н. Авраменко. Саратов, общежитие на ул. Измайлова. Январь 1991.

Примечание фотоматериал: И.Н. Авраменко, О.В. Орищенко, А.А. Ситицын

Рис. 3. Члены семинара «Античная среда» (справа налево):
Д.Е. Луконин, О.В. Орищенко, Д.Б. Самосадный, В.И. Кашеев, С.В. Васильев,
А.А. Ситицын и И.Н. Авраменко (сидит). После защиты дипломных работ рядом с домом
научного руководителя В.И. Кашеева. Саратов, ул. Некрасова. 16 июня 1993.

ДОРОГОЙ МОЙ АРИСТОТЕЛЬ *

Аристотель прервал свою речь и с досадой взглянул на Александра. Тот лежал, уставившись на учителя, словно он был одним из деревьев в этой чудесной роще.

– Ты опять о чем-то задумался, Александр, – раздраженно сказал Аристотель, – ты ведь меня совсем не слушаешь. Я тут распинаясь о таких художественных приемах в трагедии, как узнавание и перипетии, и встречаю с твоей стороны такое вот отношение.

– Прости, учитель. – Александр наконец осмысленно и виновато посмотрел на раскапризничавшегося философа. – Просто я задумался о том, для чего все это. Иначе говоря, зачем поэты пишут эти самые трагедии, какая в них надобность?

Аристотель улыбнулся и начал объяснять:

– Допустим, Александр, ты завоевал полмира. Что ты будешь делать дальше?

– Завоевывать другую половину, – не задумываясь, ответил Александр.

– Ну, хорошо, – вздохнул Аристотель, – ты завоевал весь мир. Что дальше?

Александр неуверенно произнес:

– Возможно, еще что-нибудь появится, неизвестная страна или народ...

– Нет. – Аристотель решительно пресек все попытки нарушить всю чистоту эксперимента. – В наше время не может быть неизвестных стран и народов. Все давно открыто, описано и изучено. Отвечай по существу!

– Не знаю, – признался Александр, – удавлюсь, наверное, от скуки.

– Вот здесь, Александр, и начинается трагедия. Когда течение жизни переходит, так сказать, в тихое русло, когда наступает тягостная обыденность, когда время словно застывает в покое, происходит нечто такое, что разрушает все это, переворачивает и встряхивает. И как будто из ничего, на пустом месте, возникает трагедия!

* Текст подготовлен к публикации канд. ист. наук А.А. Синецыным.

Произнося последнюю фразу, Аристотель возвысил голос и с торжеством посмотрел на задумавшегося Александра.

– А теперь вернемся к нашей беседе.

Он снова начал говорить о художественных приемах, а Александр глядел на него так, словно он был частью горизонта, который скрывался за деревьями.

* * *

Александр, развалившись в одном халате на коврах и подушках, отхлебнул вина из походной фляжки, заел изюмом и вернулся к начатому письму.

Так что, как видишь, дорогой мой Аристотель, живу я хорошо. Из Вавилона пока никуда не собираюсь. После индийского похода нервы уже не те, требуют покоя. А все из-за Пармениона. Напился со своим отрядом и пошел бродить по джунглям, пока не наткнулся на какое-то царство, и, вместо того, чтобы незаметно уйти обратно, объявил им войну. А народ там дикий, сражаться не умеет, правильного построения не знает. В общем, всем головы поотрезали, только Пармениона почему-то отпустили. Лучше бы они себе его взяли. Я, конечно, это царство завоевал, вместе с их слонами и обезьянами, но что-то разнервничался и решил вернуться в столицу, отдохнуть и привести в порядок государственные дела.

Итак, дорогой мой Аристотель, теперь я являюсь, согласно последним данным географии, владыкой всего мира. И, достигнув всего того, о чем я когда-то мечтал, зажил было я спокойной, мирной жизнью, проводя время в размышлениях о благополучии и счастье своих подданных. Но когда я уже решил, что ничто не сможет потревожить моего покоя, произошло ужасное событие. Помнишь, о чем мы с тобой беседовали в тот день, когда отец меня высек за то, что я поджег волосы рабу-эффиопу (это я новое оружие изобретал, руководствуясь последними достижениями натурфилософии, о которых ты мне рассказывал; напиши, кстати, о новейших открытиях в этой области, здесь имеются большие возможности для воплощения самых дерзновенных замыслов)? Все, как ты предсказывал, о Аристотель: когда я приобрел все то, что только может пожелать простой смертный – безграничную власть, несметное богатство, любовь и уважение подданных, о благе которых я неустанно пекусь, покровительство богов, ради угождения которым я творю добро в моих мировых владениях, – в это время у меня случилась настоящая трагедия.

Началось с того, что я обратил внимание, как конюхи, ухаживающие за моим конем Буцефалом, насыпают ему мало овса. Когда я им сделал замечание, они стали оправдываться, что, мол, конь старфый, кормить его нужно полегче, но я по глазам вижу – воруют. Я велел засыпать ему полную кормушку, а на следующий день мне сообщили, что конь заболел – лежит с раздутым брюхом и тяжело дышит. Довели бедное животное проклятые конюхи, поздно я вмешался, недоглядел. Позвал я лучших лекарей, они его долго лечили, пока он не издох. Можешь себе представить, дорогой Аристотель, какое горе меня постигло! Я был так удручен, что даже лекарей не стал наказывать. По здешним обычаям за это положено в ковры заворачивать, но я в таком состоянии не мог думать о мести и простил этих шарлатанов. Велел им только головы отрубить. Не до того мне было. Стоял я возле моего Буцефала и не мог сдержать слез. И мои верные товарищи по оружию стояли рядом и тоже не могли сдержать слез. Я на каждого посмотрел – все плакали. Только Парменион что-то подозрительно отворачивался. Уж не он ли отравил? Но тогда я всего этого не замечал, до того потрясен был своей потерей. Ведь Буцефал был не только моим конем, не только надежным спутником в походах – он был моим другом, его бы я не променял и на тысячу таких, как Парменион.

Как-то раз, помню, вернее, не помню, где именно – то ли в Лидии, то ли в Мидии, но где-то в тех местах, – меня оглушило камнем, пущенным из пращи. Очнулся я в хлеву на Буцефале висющим вниз головой, так как застрял в стремянах, и мой добрый конь вынес меня из сражения, когда, почуввав, что я без сознания, кинулся к своей кормушке. А однажды, в стране саков, он полночи не давал спать всему войску – рвался с привязи, ржал и бился, объелся, видимо какой-то дрянью. И вдруг затих. Я посылаю Пармениона посмотреть, в чем дело, тот еще идти не хотел, ему, видите ли, нужно выспаться перед битвой. Ткнул я его дротиком – пошел. И сразу – тревога. Оказывается, к лагерю подбирались враги. Часовые же перед этим за неимением дров бросали в костер какую-то траву – только через сутки мы их откачали и повесили, – а мудрый Буцефал сразу чужих почуял и присмирел. Мы, македоняне, его после этого как бога почитали, тем более, что я сам являюсь, как ты знаешь, богом, египетским, только названия никак не запомню.

Достойный был конь, надо сказать. Можно упомянуть еще случай, когда один художник нарисовал мой портрет: сизжу я верхом на коне, в натуральную величину, меч наголо – вылитый Ахиллес. После того, как он закончил, я с Буцефалом зашел посмотреть на картину, и он, увидев нарисованного коня, радостно ему заржал. Вот ведь конь, а не хуже любо-

го художника разбирался в живописи. До сих пор не могу привыкнуть к тому, что я его лишился.

Пойми меня, Аристотель, я старался относиться к страданиям по-философски, но все из рук валится. Вчера Парменион сует мне кусок папируса, а я подмахиваю, не читая, а потом только подумал, что может быть, он мне грамоту с отречением подсунул. Доказывай потом, что я из-за коня расстроен был. Ты бы, Аристотель, написал мне что-либо в утешение, ну, как там у вас говорится: «Смерть есть, где нас нет» или что-то вроде этого. Возможно, поможет. И найди там поэта, закажи ему трагедию в память о Буцефале. Я даже сюжет придумал. Как будто было мне предсказание, что мой конь падет от руки перса. Я его, понятное дело, берегу, всяких там носатых как мух от него отгоняю. Но как-то позвал к нему лекаря, а он – персидский шпион. Да еще в сговоре с кем-нибудь, например, с Парменионом. И пусть в конце хор споет, что в горе нельзя терять голову, нужно сохранять самообладание, иначе придется всю жизнь жалеть об этом, как я жалею, что лекарей тогда не допросил. Все бы выложили, голубчики, про Пармениона. Представь себе, Аристотель, здесь на Востоке есть такие мастера в познании истины, – куда до них греческим философам. Если приедешь когда-нибудь, я тебя с ними познакомлю. Я сам видел, как один спартанец в беседе с ними болтал как армянин на базаре – признавался в шпионаже в пользу Аравии (я даже не знаю, где это). А один софист, не поверишь, признал, что его участие в заговоре – абсолютная истина. А ты мне говорил, что софисты отрицают возможность существования какой-либо истины. Ну ничего, Парменион еще свое получит.

Так не забудь о поэте, Аристотель, только выбери получше, научи, чтоб писал как положено – с художественными приемами, узнаваниями и прочими перипетиями. Сюда в Вавилон раньше приезжали поэты, да все либо шпионы, либо заговорщики. Мы их с обрыва сбрасывали, как царя Эгея, я считаю – прекрасная смерть, достойная поэта. Так что скажи поэтам в Греции, чтобы не боялись и приезжали – здесь им будут оказаны почет и уважение.

Еще я хотел бы спросить у тебя, дорогой мой Аристотель, как ты считаешь, уж не прогневались ли на меня боги, позволив умереть? Если это так, то за что, спрашивается, мне такая кара? Ведь я в своей жизни никаких злодеяний не совершал, совесть моя чиста. Может быть я, как Эдип, против своей воли оказался вовлеченным в некое преступление, о котором я и не подозреваю? Ко мне здесь, по местному обычаю, чуть не каждый день новую наложницу приводят. А вдруг какая-нибудь из них –

моя дочь? Неужели я замешан в кровосмесительстве? Вот ужас-то, и ведь у них не спросишь. Одна мне показалась вроде похожей на меня, но тогда я об этом не думал, а сейчас ее уже нет; после свидания со мной всех наложниц топят в Евфрате, это тоже обычай. Я уже распорядился, чтобы сначала с них показания снимали, прежде чем мешок на голову надевать. Решил я пока провести расследование, и если мои догадки подтвердятся, тогда Пармениона крокодилам скормлю, как варвара. Я, знаешь ли, Аристотель, раньше преступников в яму со львами бросал, но после того, как один еврей (он мне сон неправильно истолковал) просидел там со львами десять дней и даже научил их молиться, я перестал бросать туда варваров. Львы – дорогие животные, нечего их молитвами портить. А тогда я заинтересовался, как крокодилы его богу молиться будут, и бросил этого еврея в бассейн. Но эти твари сожрали его вместе с его талмудом. Мне даже обидно стало за греков, ни один не научил львов Зевсу молиться, хотя я всем за это помилование обещал. Напрасно, львы никого еще не послушались – ни философов, ни жрецов, ни ораторов. А евреи еще себя покажут, если со львами могут уживаться, значит нигде не пропадут. Крокодилов я уже неделю не кормлю, пусть Пармениона дождутся. Хотя один египтянин посоветовал мне мурен для этих целей разводить. Что ты об этом думаешь, дорогой мой Аристотель? Посоветуй как ученый, я в ихтиологии плохо разбираюсь.

Но главное, вразуми меня, как богов ублажить. Если сможешь, сходи к Пифии, возьми для меня оракул, да пришли мне вместе со своим истолкованием. Я буду очень признателен. Ведь не за его собственные грехи боги коня покарали, такого, по-моему, не бывает. Да и не мог он кровосмесительства совершить, я его еще жеребенком кастрировал. Вот ведь пишу о нем, а у самого слезы на глаза наворачиваются. Бывало, разнервничаешься после всех этих допросов и казней (знал бы ты, о Аристотель, как утомительны государственные дела, особенно когда стараешься все решать по справедливости, по закону, как должно великому государственному Деятелю), убежишь в конюшню, чтобы с Парменионом не встречаться (я всегда знал, что он Буцефала не любит), подойдешь к своему другу, а он смотрит умными глазами, жует что-то. Как я без него жить буду! Я уже сейчас аппетита лишился, кроме вина, ничего в горло не лезет, и Парменион проходу не дает. Вот такие дела, дорогой мой Аристотель. Сплошная трагедия.

На этом я, пожалуй, закончу, милый мой Аристотель. Надеюсь, что ты найдешь время для того, чтобы выполнить мои просьбы. Никого у меня нынче, кроме тебя, в жизни не осталось. Если тебе понадобится

какое-либо содействие, обращайся к наместнику Македонии, мною даны соответствующие указания.

Твой Александр.

Александр отложил перо, сложил пергамент, запечатал и хлопнул в ладоши. Вошедшему рабу он приказал:

– Позови Пармениона!

Парменион явился скоро, даже чересчур, словно все это время стоял за дверью. Встав перед Александром и опустив глаза, он произнес:

– Что угодно моему повелителю?

Александр протянул ему письмо и сказал усталым тоном:

– Пошли кого-нибудь к Аристотелю. Надоел он мне. Сколько можно твердить всем подряд, что я был его учеником! Оставь у него это письмо, оно отведет подозрения. Все. Иди.

Парменион взял письмо, кивнул и вышел.

Александр, отхлебнув вина и заев изюмом, принялся за другое письмо.

(октябрь 1996 г.)

МОСОЛКИН А.В. (САРАТОВ–МОСКВА)

НЕСКОЛЬКО ПРАКТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ КАК ПИСАТЬ СНОСКИ ¹

Если кто-то осмелится утверждать, что нет ничего более бесполезного, чем сноска, то читатели этой статьи смело могут обличить данного индивидуума в полном невежестве. Возможно, для художественной книги сноски и не имеют великого смысла, но для научной – в полном смысле этого слова! – литературы смысл их первостепенен! Ведь если в романах они так и называются «сноски», то в серьезных работах они уже почетно зовутся «научный аппарат»². Не один год творческих бдений мы посвятили данному вопросу, и то, что на нижеследующих страницах можно прочитать, является плодом бессонных ночей и долгих раздумий, хотя, разумеется, данная тема должна еще иметь своих продолжателей.

Исследователи, посвятившие свою жизнь написанию НА, проходят в своем развитии несколько фаз, которые и осмелимся представить ниже в развернутом виде.

1. Студенты младших курсов полагают, что раз у них есть источники, то они самостоятельно смогут прийти к тем выводам, к которым пришли не только современные зарубежные исследователи, но даже и немецкие филологи-классики XIX в. Поэтому они полностью пренебрегают НА, предъявляя своему оппоненту листы бумаги, исписанные своими собственными домыслами, ничего не оставив в самом низу листа и предоставив тем самым замечательный повод для немилосердных и убийственных насмешек со стороны старших коллег. Сноски, как правило, ставятся в самом конце абзаца.

2. Студенты старших курсов и особенно дипломники уже осознают свои ошибки и стараются сносками не манкировать. Но все это выглядит довольно убого и никак не может воздействовать на маломальского зрителя (зрителя, а не читателя: ведь кто же читает дипломные сочинения?!). НА совершенно любительский: *одна сно-*

¹ Данное эссе является расширенным вариантом одной из сносок в статье, которая так и оказалась ненаписанной.

² Этим термином мы и воспользуемся в нашей статье в его сокращенной форме – НА.

ска представляет собой отсылку к *одному* сочинению *одного* автора с указанием единственной страницы, в крайнем случае, указываются несколько страниц подряд, которые обозначаются банальным тире, например: «Иванов И.И. История древнего Рима. С. 15–18». В лучшем случае автор укажет ниже: «Иванов И.И. *Указ. соч.* (выделено курсивом нами – А. М.)» с иным указанием страниц. Но все это дилетантство и низкопробная любительщина! Наиболее талантливые студенты к старшим курсам осваивают написание *там же* и *он же* (в редких случаях – *они же* без разделения рода; в крайне редких – *она же*), но эта куцая атрибутика собственной учености стоит, по сути, немногого: не нужно забывать, что отношение между текстом на одной странице и текстом сноски примерно 15:1, поэтому сильного воздействия от этих слов на практике в настоящее время не наблюдается, равно как никогда зафиксировано не было. Сноски ставятся после предложения. Местоимение «я» больше не употребляется; следует ставить местоимение «мы», что значительно повышает научность работы.

3. Как известно, те студенты, которые не сумели освоить азы оформления сносок, в аспирантуре не остаются. Счастливики же все еще наивно полагают, что достигли высшего мастерства, поэтому открывающиеся перед ними перспективы выглядят как гром с ясного неба. Итак, эту группу можно разделить на три подгруппы:

А) первый год аспирантуры; первая статья. Отмечается рост процентного соотношения сноски и текста статьи, но незначительный. Появляются первые робкие упоминания на иностранном, чаще всего английском языке. Первые случаи указания *двух* работ в *одной* сноске. Автор осмеливается вставлять в текст НА свои первые слова. Напр.: «Иванов И.И. *Указ. соч.* С. 247³, а также см. (курсивом)

³ Лучше писать трехзначные цифры: у оппонента таким образом может сложиться выгодное для вас впечатление, что предыдущие сотни страниц вы *уже прочитали*. Особенно эффектно это выглядит с литературой на иностранных языках: *Smith J. The History of Ancient Rome. P. 567.* Или даже так: *Smith J. Op. cit. P. 678.* Такая сноска на оппонента действует просто деморализующе! Если вам все же нужны именно первые страницы, то следует написать тогда так: *Smith J. Op. cit. P. 99, а также 567.* Разумеется, первая цифра должна быть как можно ближе к сотне, а вторую цифру вы уж придумываете сами наугад. Реальное количество страниц в книге значительной роли не играет. Как уже нетрудно догадаться, лучше писать vol. 12, а не vol. 1; ed. 2, а не ed. 1, ну и так далее.

вом выделено нами – А. М.): Петров П.П. История древней Греции. С. 319».

Б) второй год аспирантуры. Чтение статей своих научных руководителей. Расширение словарного запаса, появляются выражения: *см. также; к сожалению, осталась недоступной работа Иванова И.И. Указ. соч.*⁴ Встречаются первые латинские сокращения, что в целом, согласно различным подсчетам, увеличивает научность работы от 27 до 43 %: *op. cit.; idem; ibidem*⁵; *loc. cit.; s. n.*, etc. Ставятся они чаще всего хаотично, и в их постановке не следует искать пока какой-то рациональности. Количество сносок продолжает увеличиваться, но они не занимают пока на странице даже ее четверти.

В) третий год аспирантуры.

а) первый квартал. Знакомство с английской исследовательской литературой. Количество сносок на странице сокращается до уровня студента старшего курса. Появляются фразы: «Как вероятнее всего следовало бы утверждать на основании того не слишком подтвержденного источниками тезиса, что...».

б) второй квартал. Знакомство с французской исследовательской литературой. Сноски практически исчезают. Пропадают всякие упоминания греческого и латинского текста. Сноски набираются тем же кеглем, что и основной текст. Более того, проявляются признаки научного шовинизма⁶: сноски вновь лишь на русском языке. Отмечается общее улучшение стиля.

в) третий квартал. Знакомство с *Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*. Соотношение статьи и сноски наконец-то становится 1 : 5; в сносках появляются пространные рассуждения со сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями. Сноски набираются самым мелким кеглем. В изобилии имеются ци-

⁴ Не пренебрегайте этим замечательным сокращением *указ. соч.*: что за *соч.*, которое *указ.*, читатель забывает моментально.

⁵ Установить, почему в одних случаях пишут *ibid.*, а в других *ibidem* пока представляется невозможным. Вероятно, следует полагать, что мы имеем дело в данном случае с новой ступенью воздействия пишущего на читающего. Кстати, следует сказать, что необходимо избегать слишком частого употребления этого сокращения: *понятно a priori* и так, что вы все списали с одной книжки, но ведь может сложиться и такое *впечатление!* Поэтому ставьте *ibid.* лишь в крайнем случае.

⁶ Впрочем, о какой научности может идти речь, если сноски практически исчезают?!

таты, греческие и латинские фразы без перевода, ссылки на собственные статьи. Местоимение «я» полностью вытеснено местоимением «мы». Появляются фразы: «как *мы* об этом уже как-то писали», «*нам* представляется бесспорным», «в данном случае *нам* все же следует согласиться с Виламовицем-Мёллендорфом» и пр.

Как это ни странно, но с защитой диссертационной работы степень научности не достигает своего максимума. Кандидат наук начинает осваивать *неразрывные пробелы*. Сначала они ставятся везде кроме н. э., т. д., т. о. и пр. Но постепенно степень научности преодолевается, и пробелы ставятся уже в положенных местах. Следует специально заметить, что это дополнение, равно как и следующее, уже являются характеристикой истинного научного работника. Но точно так же, как человек, лишенный слуха, не отличает Бена Вебстера от Джона Колтрейна, так и аспирант не замечает написание фразы с неразрывным пробелом и без оногo.

Человек высшего ученого мастерства знает, что курсивом выделяются не только имена *авторов* новых сочинений, но и названия античных *opusov*. Рекомендуются выделять еще курсивом и отдельные слова в основном тексте, придавая им тем самым *особый* смысл, который, естественно, не будет понятен вашим читателям, но который наделяет вас в их глазах ореолом великой учености. Тут с легкостью можно отличить дилетанта от истинного Мастера.

Высшим воплощением последней стадии учености является страница, где текст статьи вовсе отсутствует, а все пространство занимает *сноска*. Такое оформление статьи обеспечивает глубочайший пиетет среди коллег, так как ее – тут можно быть абсолютно уверенным – никто читать не будет.

Как вы уже поняли, смысл статьи не имеет ровным счетом никакого значения, и текст может быть совершенно произвольным.

Подводим итоги.

Резюме:

1. Количество сносок прямо пропорционально научности статьи.
2. Минимальное количество предложений в статье – 1, минимальное количество строк статьи над сноской – 1.
3. Ставьте больше сокращений!

4. Если есть выбор: ставить сокращение на русском языке или иностранном, выбирайте иностранный.

5. Если есть выбор: указывать литературу, написанную готическим шрифтом, или же обычным, выбирайте готический.

6. Не ставьте сноски в конце абзаца!

7. Не ставьте несколько раз подряд *там же* или *ibid.*!

8. Номера страниц (томов, изданий и пр.) используемой вами книги указывайте многозначным числом.

САМОХВАЛОВА Н.Е. (МОСКВА)

ЕЩЕ РАЗ¹ К ВОПРОСУ² О ФУНКЦИИ «СНОСКИ»³ И ЕЕ РОЛИ В НАУЧНОЙ РАБОТЕ⁴

В последние годы⁵ в связи с активной научной и издательской деятельностью основных образовательных учреждений нашей страны⁶ для всей антиковедческой общественности все острее и острее встает⁷ вопрос о том, что, собственно, есть «сноска». В обстановке стремительно растущего спроса на исследования в этой области⁸ любая, даже самая элементарная работа, вызовет широкий общественный интерес. Вот почему мы были весьма благодарны народному доценту Саратовского государственного университета, к.и.н. А.В. Мосолкину за предоставление нам возможности ознакомиться⁹ с его готовящейся к печати статьей в интересующей нас

¹ Строго говоря, настоящая статья – первое обращение автора к данной теме, но поскольку она является откликом на находящуюся в печати статью саратовского коллеги, любезно предоставленную мне им самим, то такое словопотребление представляется правомочным.

² То, что «сноска» – не просто основной элемент научной работы, но и предмет постоянных научных дискуссий, несомненно. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к статье В.К. Костреева «Сноски: *pro et contra*».

³ Термин «сноска» употребляется в кавычках как расхожее обозначение определенного явления в сфере науки до уточнения точного значения данного термина.

⁴ Статья написана в рамках проекта «Перерыв в работе», № 12-127.

⁵ Речь идет преимущественно о 2005–2008 гг.

⁶ См., например, сборник «*Antiquitas Juventae*», издающийся историческим факультетом СГУ (выпуски за 2005, 2006, 2007 и 2008 гг.).

⁷ Некоторые исследователи считают, что этот вопрос «встает ребром», но мы избежим столь категоричной формулировки.

⁸ Впрочем, отметим откровенно, у широких масс научных работников существует потребность не только в серьезных научных исследованиях, коим как раз является наша работа, но и даже в элементарных пособиях, столь популярных на Западе, которые еще ждут своего переводчика. Приведу названия лишь некоторых из них. Хрестоматийной является недавно обретенная работа Ульриха Виламовица фон Мёллендорфа (с которой, кстати, А.В. Мосолкин явно знаком лишь понаслышке, что происходит, видимо, от незнания языка оригинала. А ведь специалисту, занимающемуся столь глубоким вопросом, как сноски, просто необходимо освещать немецкоязычную литературу в должном объеме!) (“*Der Ursprung des Fussnotes*”, Torheit, 2006). Также хотелось бы упомянуть исследование выдающегося американского ученого Г. Слоукоуча: *Slowcoach G. Footnote in the Present-Day World*. Blether, 1954. Основную библиографию по этому вопросу любознательный читатель найдет в книге: *Pourjade J. L’usage de la note*. Sot-en-Provence, 1984.

⁹ Ознакомление осуществлено при любезной поддержке сети Интернет.

области. Но, изучив предоставленные материалы¹⁰, мы поняли, что не можем остаться в стороне от дискуссии.

Прежде чем перейти к полемике¹¹ с вышеуказанной статьей, необходимо точно дефиницировать, что мы будем в дальнейшем понимать под расхожим термином «сноска». Итак, сноска – это состоящие из букв слова, соединенные в одно или несколько предложений в определенном порядке с определенной целью, при условии наличия особого, свойственного исключительно сноске оформления. Существует несколько классификаций сносок по различным определяющим признакам, но самой распространенной является характеристика *по формальному принципу*. Сноска, таким образом, характеризуется при помощи описания ее расположения в «основном тексте»^{12,13}.

Вернемся к вышеозначенной статье А.В. Мосолкина. Слабое знакомство автора с темой сквозит уже в количестве сносок в самой статье: оно настолько неприлично¹⁴ мало, если не сказать ничтожно, что мы ограничим себя от называния конкретных цифр. Не лишено, впрочем, смысла предлагаемое в вышеуказанной статье выделение этапов человеческой жизни относительно места, которое в ней занимают сноски. Однако, кажется, что некоторые утверждения А.В. Мосолкина требуют дополнительных доказательств. Так, в четко выстроенной концепции развития начинающего сносколюбца (а именно такой, весьма необходимый современной науке, анализ совершил А.В. Мосолкин, видимо, впрочем, не отдавая себе

¹⁰ См. сноску 1.

¹¹ Ср. греч. ὁ πόλεμος.

¹² Термин «основной текст» употребляется здесь исключительно в силу традиции, только для того, чтобы не сбивать читателя с толку, ибо автор данной статьи глубоко убежден, что если формально и существует противопоставление «основной текст – сноска», то это не более, чем заблуждение, ведь семантическая нагрузка сноски несомненно превосходит по значимости массив так называемого «основного текста».

¹³ Поскольку рассмотрение основных типов сносок не входит в задачу нашей статьи, мы лишь укажем работы, где можно найти важнейшую информацию по этому поводу, причем ограничимся трудами лишь отечественных ученых, как наиболее доступных российскому читателю: *Плотников А.Е.* Основные особенности использования прокелевсматика во фрагменте одной сноски Эсхила (TGF 209376d). М., 2003; *Арийцева К.С.* Сноска как, по сути, в общем, основа классической науки. М., 2006; *Соелкин А.И.* Функциональная роль сноски, или ролевая функция сноски. Сносковая функционально-ролевая модальность. Модальная функцио-сноскальная реальность. М., 2005.

¹⁴ Ср.: *Керлот Хуан Эдуардо.* Словарь символов. М., 1994. С. 187608978.

в этом отчет) наблюдается временный спад, выпадающий на период аспирантуры, после которого следует возвращение к поступательному развитию. Концепция весьма интересна, но в силу своей необычности и даже смелости нуждается, на наш взгляд, в более подробном освещении, которое, как мы надеемся, займет подобающее место в докторской диссертации автора рассматриваемой статьи¹⁵, и в будущем он съест на этом не одну собаку¹⁶.

Перспективной¹⁷ представляется и дальнейшая работа в области разграничения восприятия сноски разными группами людей: студенческо-аспирантской, оппонентско-преподавательской и редакторской¹⁸.

В рамках данной работы у нас нет возможности¹⁹ подробно рассмотреть функции сносок, поэтому ограничимся лишь утверждением, что сноска – важнейший структурный элемент текста любого научного исследования.

В заключение хотелось бы принести извинения, что объем сносок в данной работе всего лишь в два раза превышает объем «основного текста», что связано с недостатком времени в связи с написанием сносок к другой статье.

¹⁵ Впрочем, гениальное предложение делать сноску к сноске – предложение, не имеющее аналогов в науке не только отечественной, но и западной, предложение междисциплинарного уровня – заставляет задуматься о присуждении А.В. Мосолкину степени доктора наук *honoris causa*.

¹⁶ *Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. М., 1994. С. 225; *Beck H.* Das Ebersignum im Germanischen ein Beitrag zur germanischen Tier-symbolic. В., 1972. S. 1, а также 346892.

¹⁷ См.: *Ашрафян К.З.* Делийский султанат. М., 1958.

¹⁸ На данный момент четкого разграничения по группам в его голове не произошло, и, как следствие, в статье присутствует определенная путаница: с одной стороны, А.В. Мосолкин говорит о том, что сноски предназначены не для читателя, а для зрителя, а с другой стороны, рассуждает о владении так называемой «техникой постановки неразрывного пробела», что представляется несколько нелогичным, не говоря уже о том, что сам термин «неразрывный пробел», несомненно, нуждается в пояснении для неискушенного читателя.

¹⁹ А главное – времени!